

**В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²**

СТРАТЕГИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ, ГЛОБАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И МЕТОДОЛОГИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИОРИТЕТОВ

Настоящее всегда воспринималось в России как находящееся в состоянии кризиса. И это типично для русской истории. Вспомните: были ли в России эпохи, которые воспринимались бы их современниками как вполне стабильные и благополучные?

Д. С. Лихачев. Раздумья о России

Предметом дискуссий сегодня становятся не столько методы и эффективность долгосрочного стратегического планирования и прогнозирования в отдельных странах, сколько сама возможность заглянуть в будущее в условиях «устойчивой глобальной нестабильности», уже давно качественно деформирующей сферу международных отношений. Нестабильность подобного типа, которую А. С. Панарин назвал *стратегической*, можно рассматривать одновременно и как следствие, и как причину системного кризиса, приобретающего характер *глобального цивилизационного*, затрагивающего одновременно и сохранность самого человеческого вида (риски «общецивилизационного» характера), и право на существование локальных цивилизаций, в том числе и русской.

¹ Председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор и соавтор многих научных открытий и изобретений, более 700 научных работ, в т. ч. 34 монографий, 14 книг: «Имунофизиология», «Альфа-фетопротенин», «Имунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека. Метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Физиолого-гигиеническая концепция спелео- и солелечения», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др.; 2 руководств по изучению комбинированных радиационных поражений и по клинической иммунологии; 6 учебников; 11 учебных пособий для вузов. Президент Российского научного общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» (“Russian Journal of Immunology”), «Вестника Уральской медицинской академической науки», Вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», «Имунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006) и премии Правительства РФ в области образования (2012). Почетный доктор СПбГУП.

² Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ, государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий и учебных пособий: «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования»; «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам»; «Философия и методология политического планирования»; «Цивилизационное наследие славянского мира»; «Умная политика и культура планирования» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение». Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006).

За проблемами сугубо экономическими и финансовыми все чаще просматриваются крайне опасные противоречия. Важнейшее из них — стремление унифицировать человечество, подавляя любые проявления уникальности и самостоятельности со стороны отдельных стран и регионов под предлогом необходимости централизации власти в глобализирующемся мире перед лицом общих вызовов времени, и стремление государств и народов сохранить фундамент государственного суверенитета и свою конфессионально-цивилизационную идентичность.

В подобной ситуации многое зависит от того, какой смысл мы вкладываем в представление о вызовах времени, трактуя их либо как широкий спектр угроз, в том числе природных, социально-экономических и техногенных, которые носят глобальный характер или распространяются на большую часть государств, требуя скоординированной позиции, либо как особую формулу-заклинание, снимающую ответственность за последствия унификации. В последнем случае вызовы времени представляются уже не как обоснование «неизбежной однополярности», а совершенно иначе — как хитроумное изобретение политиков, которое позволяет и оправдать внешнее управление, и снять ответственность за некомпетентность, совершенные ошибки или преступления, списав все риски «на время». Это оно, время или «дух эпохи», ведет себя непредсказуемо, лишает нас способности предугадывать ход событий и заранее видеть угрозы.

В связи с этим внимания заслуживают не столько методы определения приоритетов стратегического развития в условиях рисков, сопряженных с фактором глобальной нестабильности, сколько наши знания о природе совершенно особых рисков, сопровождающих сам процесс определения приоритетов. Нежелание считаться с этими рисками — одна из причин грубых и зачастую непоправимых политических ошибок, которые, как известно, хуже преступления.

Суть проблемы заключается в том, что выбор приоритета или набора приоритетов — это не только и не столько разрешение на какую-то деятельность, сколько скрытый или явный запрет. Если быть предельно лаконичными, можно воспользоваться формулой: определение приоритета в сфере внутригосударственной или

международной политики, а также при принятии геополитических стратегий — это умение сказать «нет». «Нет» всему тому, что по каким-то причинам не воспринимается как заслуживающее первоочередного внимания. Но если кто-то из нас что-то отвергает, это его личное дело. Совершенно иная ситуация возникает, когда «нет» говорит государство или все мировое сообщество, отсекая тем самым все «ненужное». Зачастую это «нет» звучит как приговор, не подлежащий обжалованию.

Такой вывод вдвойне верен, когда отказ в поддержке «неприоритетных» направлений или проектов исходит от государства, еще не научившегося делиться своими правами, ресурсами и функциями с гражданским обществом, которое в идеальном варианте должно было бы взять на свои плечи социальное бремя, брошенное государством. Гражданское общество в России, делающее первые шаги в своем развитии после почти столетнего паралича и амнезии, пока не обладает для этого ни необходимыми ресурсами, ни правами, ни опытом.

Кто может точно оценить, сколько рисков несет в себе нераздельное право государственной власти или международных структур, обладающих особыми полномочиями с учетом норм международного права, определять приоритеты государственной или международной политики? Думается, мы не погрешим против истины, если скажем, что большая часть губительных социальных потрясений и экологических катастроф глобального масштаба, но локального происхождения, которые произошли в ряде регионов мира, в том числе и в нашей стране, — это следствие неправильного определенных приоритетов. На ум приходит известная фраза Микеланджело: «Я просто беру глыбу мрамора и отсекаю все лишнее». Легко представить, что стало бы с бесценным мраморным монолитом, из которого гений вырубил своего Давида, если бы за дело взялся не Микеланджело, а кто-нибудь из дождей — правителей Венеции...

В этом контексте особый интерес представляет северная политика России, которая до недавнего времени напоминала дорогую глыбу — ценность воистину глобального масштаба, попавшую в руки государственных чиновников. Они, если называть вещи своими именами, за многие годы уже откололи от нее все, что казалось им «несущественным» для данного этапа освоения ресурсов Севера. Существенна, по их мнению, лишь одна функция — функция «ресурсной кладовой». Но наша северная политика просто обязана подняться на качественно иной уровень осмысления, она должна соответствовать масштабам самой большой страны мира, ее «удельному весу» на мировых ресурсных и интеллектуальных рынках.

Любая ошибка, заложенная в методологию общенациональной стратегии, в том числе и северной, может перечеркнуть и обесценить все достижения страны за всю ее многовековую историю и более того — поставить под вопрос сохранность и шансы на развитие человеческой цивилизации! Цена проблемы, прямо скажем, совершенно несоизмерима тому уровню ее обсуждения и понимания, к которому мы при-

выкли. Обычно, пытаясь построить отраслевую стратегию (социальную, ресурсно-экономическую или экологическую), мы не сомневаемся в том, что главное в этом непросто деле — определение приоритетов. Хотя главное заключено именно в способности сомневаться в эффективности такого подхода и помнить о его ограниченности. Забытые, «неприоритетные» проблемы имеют вредную привычку срастаться между собой, превращаясь в трудноразрешимые и даже неразрешимые. И тогда наступает их очередь входить в число «избранных» и приоритетных.

Чаще всего наши нынешние приоритеты — не что иное, как прежние ошибки. А отсутствие приоритетов подобного рода — верный признак хорошей работы наших предшественников. Если, к примеру, мы не говорим сегодня, что на российском Севере необходимо создавать с нуля научные центры по всем основным фундаментальным направлениям, без которых немыслима модернизация, то только потому, что такие центры были своевременно организованы по решению руководства страны, причем в самые трудные для нее годы.

Определение приоритетов — задача, требующая колоссальной работы по *разграничению компетенций* органов власти с учетом растущих полномочий неправительственных организаций и местного самоуправления (речь идет о распределении функций не только в рамках отдельных государств, но и в международном плане). Столь же важным является и требование *высочайшей компетентности* со стороны экспертного сообщества и тех, кто принимает решения с учетом позиций, которые отстаивают эксперты. Сама процедура определения приоритетов невольно превращает в мыслителей, методологов и даже философов даже тех сугубо прагматически настроенных политиков, чиновников и экспертов, которым интересны только ближайшие выгоды и экономическая конъюнктура, но совершенно чужды «абстрактные рассуждения о каких-то высших ценностях» или об ответственности перед грядущими поколениями.

Никто, разумеется, не рассчитывает на то, что интеллектуальная и политическая элиты в национальном, а тем более в глобальном масштабе сблизятся до такой степени, когда политическая сфера деятельности станет образцом научной объективности. Подобная цель недостижима и даже нежелательна, ибо подмена функций политики и науки порождает больше проблем, чем способна решить. Однако разрыв между этими группами власти (политической и интеллектуальной) не должен превращаться в пропасть. Такая пропасть становится в тысячу раз опаснее на фоне чудовищного разрыва между сверхбогатством и массовым обнищанием, одним из проявлений которого является так называемая «нищета работающих».

Говоря о российских реалиях, напомним, что к группе повышенного социального риска в России относится основная часть интеллектуальной элиты страны, а среди факторов, качественно усугубляющих и стагнирующих ситуацию, важнейший — «углеродная зависимость российской экономики», принуждающая к неэквивалентному обмену природной рен-

ты на ренту интеллектуальную. На этом фоне политика перерождается во всех своих проявлениях. Это касается и социальной, и экологической политики, но в первую очередь все же экологической. Если о социальных приоритетах молчать невозможно в принципе, то приоритеты экологической политики, по сути, перестают сегодня быть сколько-нибудь заметными и для политического класса, и для населения. Не исправила ситуацию даже Экологическая доктрина Российской Федерации, принятая в 2002 году, в инициации и разработке которой мы принимали участие.

Так в чем же основная причина глобальной неустойчивости? Думается, что она заключается прежде всего в отсутствии приоритета социальной и экологической политики. Как бы точно и грамотно мы ни опре-

делили все иные приоритетные направления, это ничего не изменит до тех пор, пока основным приоритетом не станет социальная политика и защита природного наследия как единая основа долгосрочной и долгосрочной стратегии.

Причина этого единства заключается в том, что главная цель социальной политики — повышение качества жизни — зависит не только от социальных программ и национальных проектов, но и от состояния среды обитания. Последний фактор является, во-первых, одним из центральных в сбережении народов планеты, а во-вторых, решающим, поскольку ухудшение экологической ситуации способно не только резко снизить качество жизни большей части населения страны и мира, но и оборвать саму жизнь миллионов людей...